

Выступление Я.И.Кузьмина на V Международной научной конференции "Конкурентоспособность и модернизация экономики"

Я попытаюсь сказать несколько слов о целях образования применительно к российской ситуации. Первая цель образования – это социализация. И здесь у нас есть две проблемы. Во-первых, из школьного образования выпала функция воспитания, которая теперь целиком ложится на семьи, она выпала как серьезная целевая функция системы образования вместе с пионерскими галстуками. Результаты мы с вами видим на улицах. Во-вторых, школа до сих пор не дает необходимых социальных навыков и навыков коммуникации. Я бы к ним отнёс компьютерную грамотность и владение иностранным языком, потому что обучение иностранному языку в его нынешнем виде – это гарантированный нулевой результат и растрата ресурсов. Также следует отметить и отсутствие базовых знаний по экономике и праву, абсолютно необходимых для того, чтобы эффективно себя продавать на рынке труда и защищать свои интересы.

Следующая цель – это формирование необходимых квалификаций для перспективного, я подчеркну – перспективного, рынка труда, потому что системе образования бессмысленно ориентироваться на текущий рынок. У нас ситуация более чем тревожная, и это имеет прямое отношение к теме сегодняшней конференции. Профессионально-технические училища дают II-III разряд вместо IV-V, за которые платят деньги на рынке труда, а в итоге их выпускники не могут себе найти работу по специальности. У нас существует колоссальное перепроизводство высшего образования, и, наконец, мы имеем полное несовпадение структуры подготовки и потребностей – текущих, перспективных, каких угодно – это стало социальным фактом.

Министр говорил о социальном перемешивании, и действительно, есть такая функция у образования – обеспечение равного старта. На сегодняшний день мы можем выделить три болезненные темы. Во-первых, качественное высшее образование недоступно без связей и денег. Во-вторых, альтернативы в виде начального и среднего профессионального образования – то, что называется в других странах «быстрыми деньгами», – не обеспечивают социального лифта, это канал не работает где-то с 70-ых годов, когда еще была нормальная траектория: заканчиваешь техникум, потом вуз, в промежутке еще работаешь, и ты можешь войти в элиту профессиональную, сейчас этого нет. Наконец, в-третьих, у нас отсутствует целевая поддержка учащихся из малоимущих семей. Мы продолжаем размазывать скудные стипендиальные средства, давая всем то ли по 200, то ли по 400 рублей, не понятно зачем.

Предпоследняя цель – это отбор и формирование профессиональных элит. На наш взгляд, это одна из самых больших проблем российского образования и российской экономики в целом. Вузы всегда могут «купить» в лице студента либо деньги (от государства или от семьи студента), либо его способности, талант. Последнее время вузы сбиваются на то, чтобы приобретать вместо таланта и будущей репутации деньги в той или иной форме: в форме массовых небольших денег за бюджетное образование, или в форме больших или относительно больших денег от семей.

Научные школы – механизм воспроизводства элит – обеспечены гораздо хуже, чем система их отбора. Ведущие вузы еще пытаются как-то проводить олимпиады, к сожалению, за собственные средства. И МГУ, и Высшая школа экономики, и СПбГУ проводят эти олимпиады, но, естественно, мы не дотягиваемся до каждого, поэтому альтернативой единому экзамену олимпиады в нынешнем виде, без ресурсного участия государства, быть не могут. Так давайте их таковыми сделаем. А вот научные школы не имеют ресурсов для собственного воспроизводства, в результате мы можем отобрать элиты, но мы не можем их воспитать.

И последнее. Образование образует фундамент инновационного потенциала общества и экономики. Вот примерная картина сейчас: 80% программ высшего образования не базируется на собственных научных разработках. Это еще мягкая формулировка. Наши вузы превратились в большие техникумы с пятилетним сроком обучения, где передаются накопленные другими и уже устаревшие знания. Финансирование научной деятельности вузов составляет на сегодняшний день 10 долларов в месяц на одного преподавателя, я не говорю уже об организационном разрыве науки и образования, который сейчас наблюдается.

В чем причина такой деформации? На сегодняшний день у нас существует очень жесткая структура образовательных программ, нет эффективных механизмов восприятия сигналов извне, сигналов общества. Постоянно растущий спрос не обеспечивается ресурсами, тем не менее, система образования принуждается к тому, чтобы удовлетворять этот спрос. В результате и без того дырявый зонтик финансирования, постоянно растягивается на все большее и большее количество получающих образование людей. В результате удельное финансирование образовательных программ не обеспечивает даже воспроизводства, не говоря о развитии, самих образовательных программ.

Часто говорят об устаревших институтах в образовании, действительно, бюджетное содержание учебных заведений оторвано от результатов их деятельности, об этом здесь уже говорили несколько человек. Совершенно очевидно, что мы должны комбинировать те или иные формы отбора, я, кстати, согласен с тем, что сказал Андрей Александрович, – нельзя полагаться на *один единственный* институт. Один институт, например, единый экзамен, в условиях недофинансирования неизбежно окажется выхолощенным и коррумпированным, как мы его ни будем совершенствовать. Надо обязательно иметь несколько окон, но все эти окна должны привязывать финансирование образования к выбору самих учащихся. Если мы не решим этой проблемы, если финансирование со стороны государства не будет сопряжено с софинансированием выбора учащихся и не будет отражать объективную оценку качества этих учащихся, мы не сможем надеяться на восстановление эффективности нашего образования. Потребители образования не обеспечены элементарной информацией об относительном качестве образовательных программ. На сегодняшний день такого рода измерений просто нет. Мы опять можем сколько угодно ругать единый экзамен, но это первая попытка государства ввести одно соответствующее измерение, которое годится для всех потребителей: и для ректоров вузов, и для семей, который выбирают школы и т.д. Совершенно очевидно, что оно не должно быть единственным. Наконец, надо

заметить еще раз, что традиционная система отбора в учебные заведения сегодня не обеспечивает отбора наиболее талантливых.

Поскольку Андрей Александрович призывал меня говорить не только об экономике, я скажу не только об экономике. Содержательные дефекты школы – это то, что отмечают практически все эксперты, знакомящиеся с нашим образованием. В школе практически отсутствует выбор. Школы не учат выбору, не учат проектной деятельности, не ставят перед учениками задач комплексного характера по применению полученных знаний, то есть наши знания абсолютно академичны, и через них прорывается до практики только 10-15% учащихся (остальные осваивают практику как бы с чистого листа). Далее, дефекты высшего образования: существует огромная инерция структуры узкоспециализированного профессионального образования. Давайте посмотрим на высшие учебные заведения Москвы и Петербурга, они сформировались в конечном итоге к середине 80-х гг. Сколько, Евгений Григорьевич, тогда было отраслевых министерств, помните? Сорок с чем-то. Вот я вам докладываю, что ровно 40 отраслевых технологических вузов сейчас существует, хотя нет уже не только министерств, но и предприятий на две трети этих министерств нет. Они давно перепрофилировались, а вузы стоят и готовят именно по этим узким специализациям своих выпускников. Вот эта инерционная структура, вообще не обращающая внимание на то, что происходит вокруг, – это самый страшный бич российского образования. Второй бич. Меньше 20% вузов ведут исследования, меньше 10% преподавателей в вузах ведут исследования. Массовые вузы перестали быть элементом инновационной структуры, а ведь университет и отличается тем, что в нем люди учатся у ученых, они видят, как перед ними и рядом с ними ведут исследования, открывают новое, и они имеют возможность в этом принять участие.

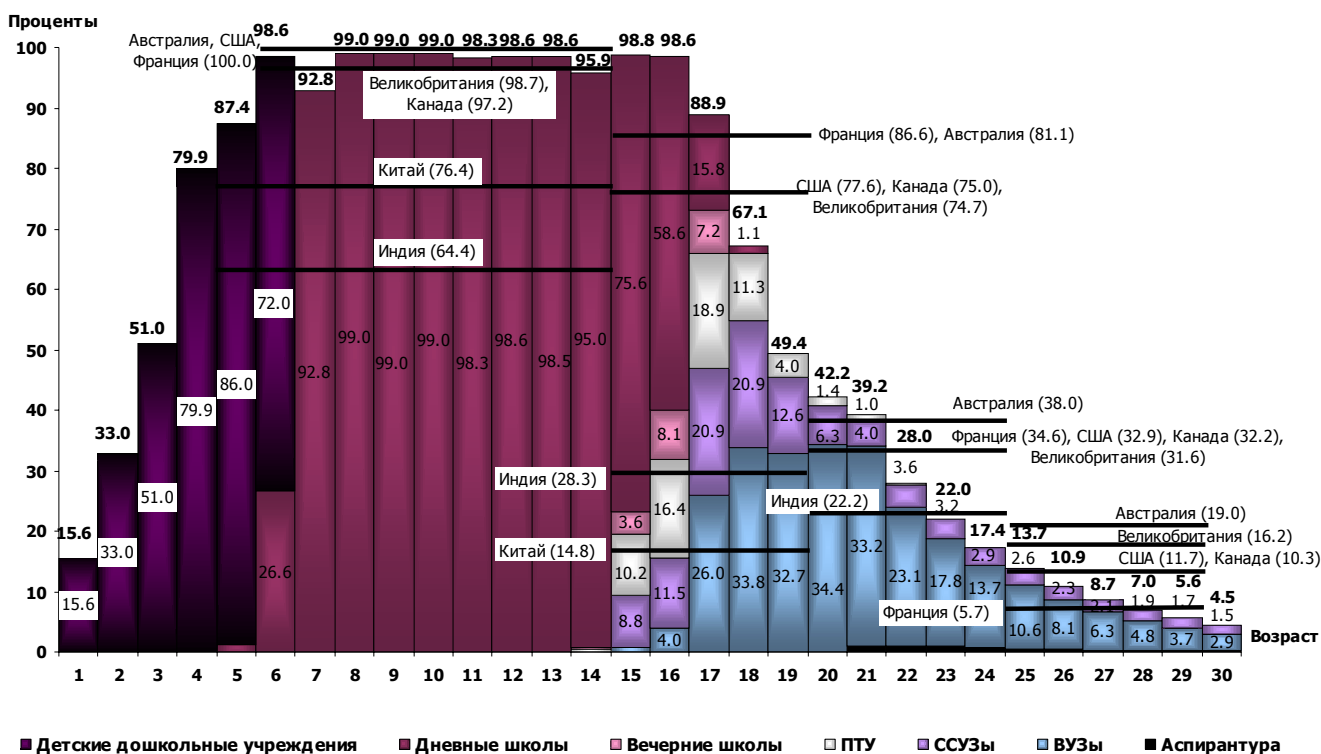
Структурные потери. Я бы выделил две группы структурных потерь. Первая: ресурсы государства продолжают растрачиваться на несистемные цели. Например, на содержание детей в детских дошкольных учреждениях. Почему государство содержит ребенка того человека, который его в детсад отправил, а того, который не отправил – не содержит? Если у нас на всех хватит ресурсов, давайте мы всем установим такого рода доплаты, сегодня это 50% финансирования детских дошкольных учреждений. Или питание и обмундирование выпускников системы НПО. Ну давайте, мастеру производственного обучения лучше эти деньги заплатим. Как-нибудь они оденутся сами, одевались же раньше. А сейчас мастер производственного обучения из-за этой благотворительной меры получает всего 60% средней зарплаты квалифицированного рабочего своей отрасли. Малокомплектная сельская школа поддерживается несмотря ни на что. Среднее финансирование в расчете на одного ученика сельской малокомплектной школы это 2000 долларов в год, столько же государством тратится на обучение студента МГТУ им. Баумана для сравнения. Тогда как на ученика нормальной массовой школы (которая лучше учит) затрачивается 300 долларов в год, вот сравнивайте, куда у нас уходят деньги. Из ресурсов семей, направляемых на получение образования, 30-40% не попадает в учебные заведения. Первая «дыра» – это статус школы. Школа не может предоставлять платные образовательные услуги за пределами учебного плана,

потому что гарантированный законом бюджетный компонент охватывает 100% допустимого санитарными нормами учебного времени. Всё, тупик – школа не имеет юридических возможностей предоставлять какие бы то ни было легальные заработки своим учителям. Вторая – это переход школа-вуз, это миллиард долларов, оставляемых семьями на этой дороге, из которых вузами улавливается меньше 200 млн., а если учесть себестоимость подготовительных курсов, то меньше 80 млн. долларов, или 8%. А ведь этого миллиарда вузам не хватает.

Вторая часть структурных деформаций. До 30% ресурсов направляется на реализацию тех элементов программ, цели которых не достигаются. Я уже говорил об английском языке с пятого класса. Другой пример: больше половины учащихся 10-11 классов практически игнорируют предметы, не связанные с выбранным ими профилем профессиональной подготовки, а учитель приходит, он учит, ученик делает вид, что он присутствует на этом уроке, а в итоге денег на нормальную зарплату необходимым учителям не хватает, а отдельные сознательные экземпляры абитуриентов занимаются по 60-65 часов в неделю. Или обязательное полное среднее общее образование в ПТУ и техникумах. Я не столь давно посещал по поручению Г. О.Грефа средние профессиональные учебные заведения Санкт-Петербурга, и я там имел беседу с руководством очень хороших техникумов. И вот заместитель директора по общему образованию, заслуженный ученый России, говорит: «Ярослав Иванович, это же профанация – то, что мы делаем». Это не ПТУ, это техникум, сюда люди пришли в общем-то с достаточно большими планами на будущее. Пора понять, что мы не можем одновременно гнаться за двумя зайцами в этой системе образования: начальное профессиональное образование должно давать базовую квалификацию, а если человек захочет получить полное среднее образование, то для этого всю жизнь существовала вечерняя школа, и вполне возможно, что он через 2 года решится на этот шаг. Но если сейчас мы ему не даем гарантий будущего заработка, мы ему не даем и в перспективе социализироваться.

Наконец, проблема высшей школы. Более половины выпускников вузов не используют в работе узкопрофессиональные компетенции, условно говоря, эти люди получили *общее* высшее образование за пять лет вместо трех, и 90% из них – это люди, которые учились за бюджетные деньги. Могу перечислить самые крупные зоны потерь: это учителя (70-75% не идет работать и не собирается), медики (уже более 50%), студенты аграрных вузов (больше 60%); курсанты военных вузов (которые в массовом порядке комиссуются, особенно те, кто учились по гражданским специальностям). Этот список можно продолжить: с инженерами стало немного лучше, но и сейчас все равно это более 50% потерь. Также тревогу вызывает структура нашего образования – много ли мы учим? Посмотрим на диаграмму 1.

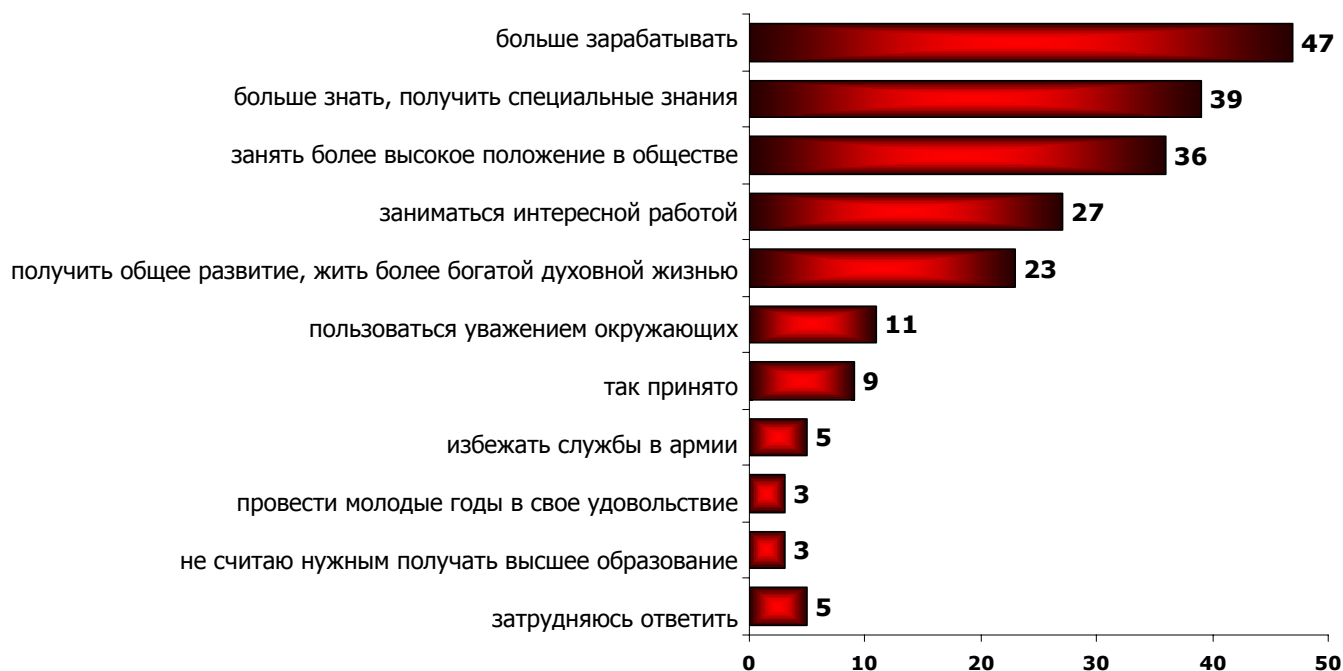
Диаграмма 1. Охват населения России основными программами образования: 2002.

Вот на графике отметки показывают соответствующие уровни в других странах. Вы видите, во-первых, у нас искусственно продолженное полное среднее образование, которое в развитых странах почему-то так не организовано, зато оно очень резко обрывается вниз, в 17-19 лет, когда люди в других странах продолжают учиться. Мы всей страной осудили двенадцатилетку в образовании, и к ней можно по-разному относиться, потому что наверняка она привела бы на тот момент просто к распространению действующих технологий школы, но мы почти единственная страна, которая учит так мало. Проблема в том, как учить? Я приведу буквально несколько цифр: первое, это проблема навеса высшего образования. Вот результаты мониторинга – данные, которые собирал ВЦИОМ по 9 тыс. респондентов два года подряд. У нас 88% граждан России имеют твердую установку или достаточно твердую установку на то, что их дети должны получить высшее образование. Это совершенно фантастический результат, его нет ни в одной стране мира, даже самой развитой. Почему россияне выбирают высшее образование, притом, что они, в общем, видят, что оно не является гарантией чего-то? Здесь есть 4 фактора. Во-первых, в условиях низких трудовых доходов и стагнации реального сектора экономики альтернативные издержки продолжению образования очень низкие, в 90-е годы они были почти нулевыми. Во-вторых, начиная с 70-х гг. альтернативные образовательные траектории (ПТУ–работа, техникум–вуз–работа) начали резко уступать по эффективности траектории школа–вуз, а потом и вовсе провалились. В-третьих, это фактор призыва в вооруженные силы. В-четвертых, это то, что высшее образование фактически стало необходимым элементом социализации для значительной группы населения.

Любые реформы образования, которые мы задумываем, мы должны адаптировать к этим высоким ожиданиям населения, ни в коем случае нельзя пытаться их опускать, надо искать ответы в сложившихся рамках социальных ожиданий. Для чего люди получают высшее образование? Вот данные опроса (диаграмма 2)

Диаграмма 2. Цели получения высшего образования

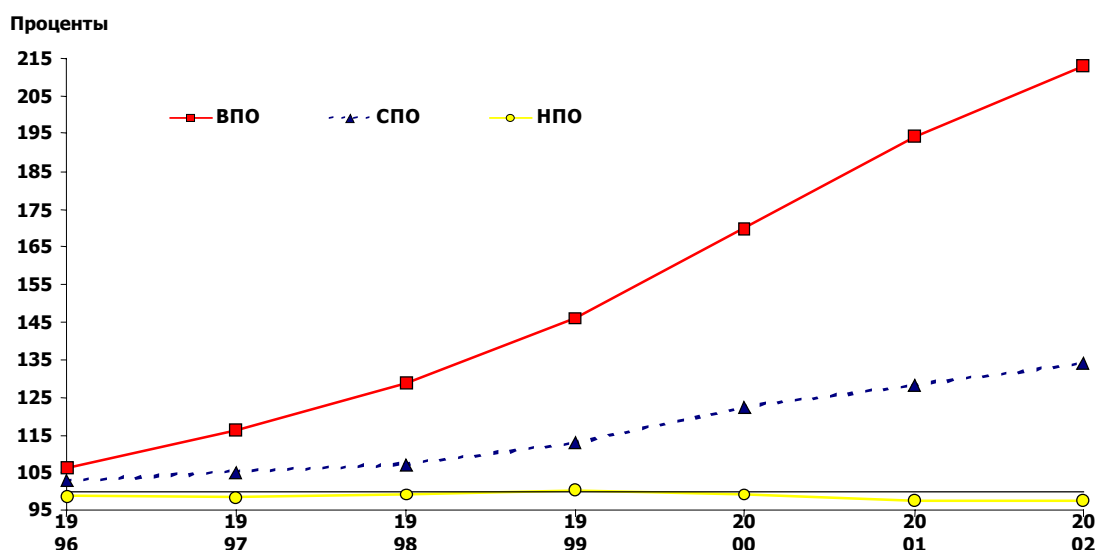

** Для чего, на Ваш взгляд, прежде всего, нужно высшее образование? Для того, чтобы... (в процентах к числу опрошенных)*

Обратите внимание, только 39% сказали «получить специальные знания», все остальное – это чисто статусные вещи, то есть это еще одно объяснение, почему *общее* высшее. Более 60% студентов вузов ориентированы на получение общего, а не специального высшего образования. Более 20% студентов вузов согласны на приобретение титула «высшее образование» без необходимых компетенций, то есть на чистую покупку диплома, которую человек осознает.

На диаграмме 3 отражена динамика роста системы образования, начиная с 1996 года.

Диаграмма 3. Динамика основных показателей: численность учащихся/студентов (1995=100%)

Вы видите, что имело место практически нулевое развитие начального профобразования, достаточно вялое развитие (это при демографическом росте в этот период) среднего профессионального, и колоссальный (на 215%) рост высшего. Мы сделали попытку проанализировать потоки поступающих и то, с чем они выходят на рынок труда. Соотношение выпуска и потребности рынка (без учета конкретной квалификации, просто по уровню) отражено в таблице 1.

	Выпуск системы образования	Потребность рынка труда
ВПО	45%	30%
СПО	15%	25%
НПО	30%	35%
Без квалификации	10%	10%

Но если мы учтем конкретную квалификацию (см. таблицу 2), оказывается, высшего образования как *профессионального* мы даем меньше, чем нужно, – текущие потребности рынка не покрываются. 20% - это люди, которые с самого начала используют подготовку на врача или учителя просто как некий фактор социализации, то есть наше высшее образование носит характер профессионального лишь в 25% случаев, а в остальных 20% - оно общее. При учете квалификаций возникает уже *нехватка* среднего профессионального образования, и, самое главное – исчезает благополучная картина с начальным профессиональным образованием.

Таблица 2: Соотношение выпуска и потребностей рынка труда (с учетом конкретной квалификации)		
	Выпуск системы образования	Потребность рынка труда
Высшее образование	25% (действительно профессиональное)	30%
	20% (фактически общее)	
СПО	15%	25%
НПО	15% (с достаточной квалификацией)	35%
	15% (с недостаточной квалификацией)	
Без квалификации	10%	10%

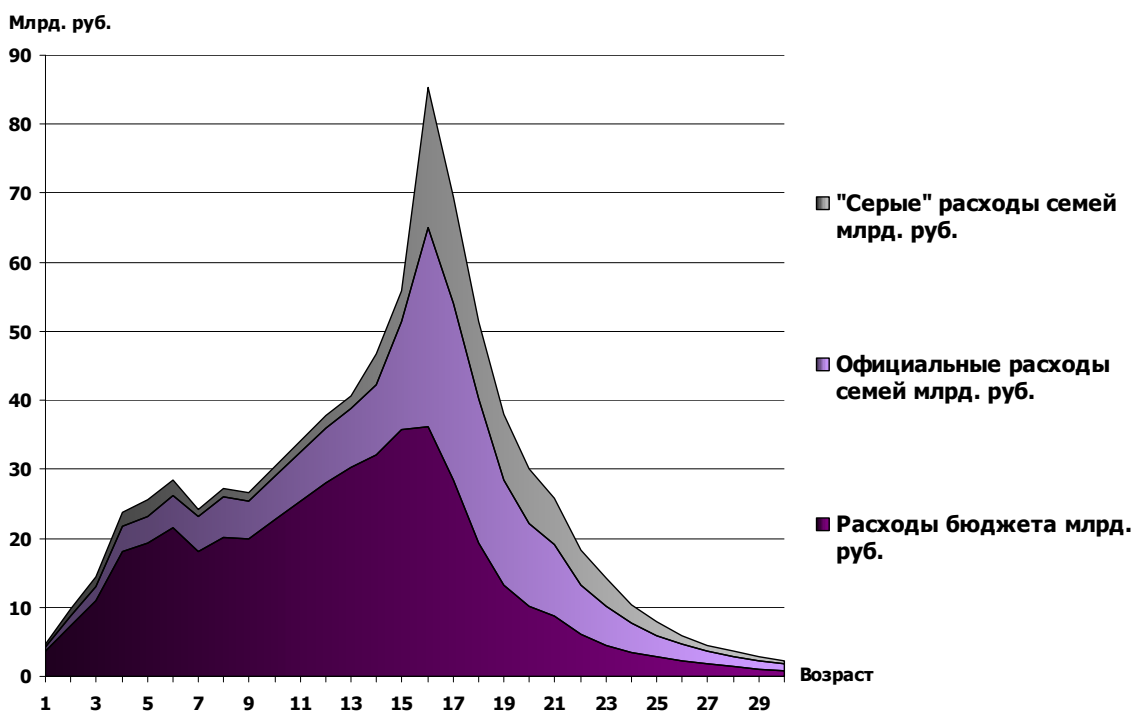
Я не буду останавливаться на затратах семей и отдельных затратах бюджета на систему образования. На диаграмме 4 изображены финансовые потоки, сложившиеся в системе образования в прошлом году.

Диаграмма 4. Слайд 24 в Ministr2.ppt

Мы не имели инструментов, чтобы измерить те средства, которые текут от предприятий и те средства, которые попадают в систему дополнительного профобразования, по моей прикидке, это от 1 до 1,5 млрд. долларов. В первую очередь надо обратить внимание на деньги, которые семьями направляются на финансирование образовательных услуг, но в образование не попадают. Почему не попадают? Это не обязательно коррупция, о которой сейчас часто говорят. Вообще мы очень любим говорить о коррупции, тогда как реальные затраты семей, которые в образование не попадают, это не столько коррупционные платежи, сколько транспортные расходы, съём жилья, т.е. плата за то, за что в других обстоятельствах платить не пришлось бы.

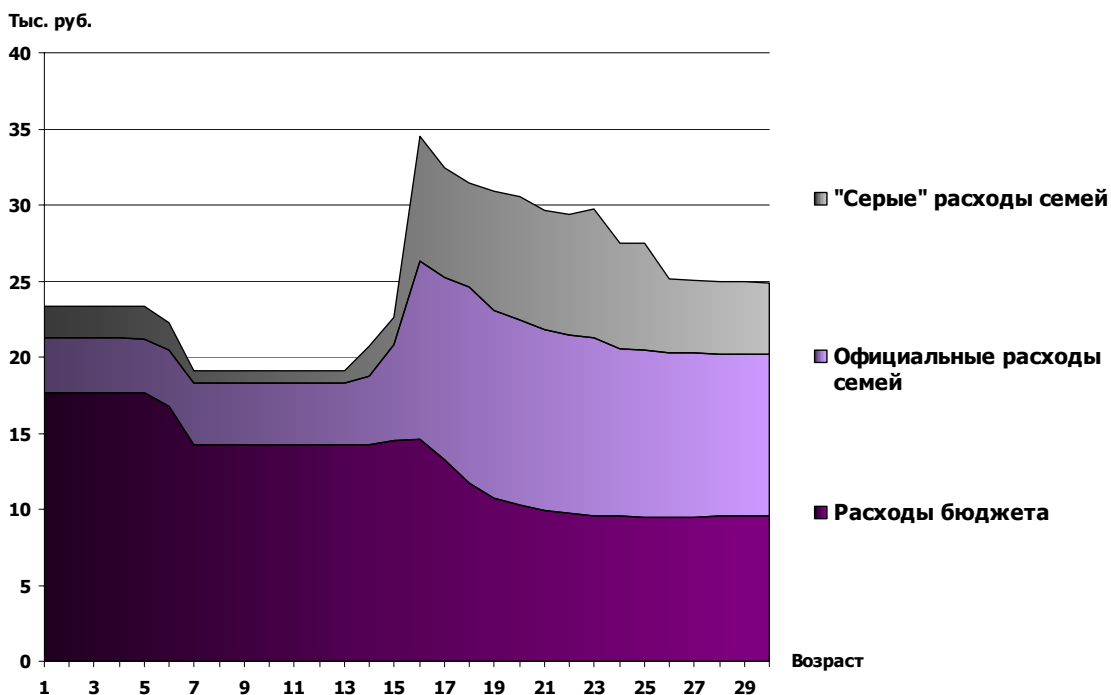
Общие расходы на образование по возрастным группам населения: если мы посмотрим, сколько государство и семьи тратят в России на образование по годам, то увидим, что пик приходится на переход школа-вуз (диаграмма 5).

Диаграмма 5. Общие расходы на образование по возрастным группам населения

Это совершенно очевидно, однако есть и некоторые другие интересные вещи. На графике общих расходов на образование в расчете на одного учащегося по возрастным группам населения (диаграмма 6) видно, что у нас есть большая проблема серых расходов, и конечно желательно найти инструменты, которые позволят их перевести в белую форму.

Диаграмма 6. Общие расходы на образование в расчете на 1 учащегося (студента) по возрастным группам населения

Но есть и еще одно обстоятельство: у нас перегружены бюджеты семей, которые учат своих детей в вузах, и здесь мы можем обратиться только к кредиту, но вряд ли за

счет кредита мы очень быстро поменяем ситуацию. При этом у нас недогружены бюджеты семей, дети которых учатся в системе общего образования, притом, что оно сейчас не дает качественной подготовки для продолжения обучения на следующих уровнях.

Я думаю, что мы должны с вами четко представить себе некоторые следствия из этой картины. Если действующие параметры образовательной системы будут инерционно развиваться и дальше, то к 2010 году у нас около половины всех приходящих на рынок труда людей будут формально иметь высшее образование, будут иметь очень завышенные социальные ожидания и не будут готовы работать исполнителями в секторах, связанных с производством реальных товаров. Я думаю, что это ставит перед нами очень серьезный вызов, вызов, который может разрешиться двумя путями: или мы проводим сейчас быструю реформу образования, направленную в основном на приведение системы в соответствие с реальными потребностями рынка, какие бы инструменты при этом не использовались; либо мы будем иметь два потока трудовой иммиграции: в 2-3 раза выросший поток из стран СНГ (и не только) на исполнительские должности, и достаточно сильный приток квалифицированных техников, квалифицированных инженеров из стран Восточной Европы, потому что нынешняя система подготовки техников и инженеров по-прежнему себя не оправдывает. Спасибо.